



УДК 943.0/.58

## Военная бюрократия в колониях кайзеровской Германии (1884–1914 гг.)

Е. Ю. Пуховская

*Восточно-Сибирская государственная академия образования, г. Иркутск*

**Аннотация.** В статье рассмотрены становление и эволюция германской военно-колониальной бюрократии, ее роль в развитии колониальной экономики и колониального управления. Типологические и персональные «портреты», образ жизни и менталитет колониального офицера помогают реконструировать пути и методы решения «туземной проблемы» и становления немецкого поселенческого общества в Африке и Океании.

**Ключевые слова:** кайзеровская Германия, колониальная политика, офицер, военная бюрократия, аборигены, «туземная проблема», немецкое поселенческое общество.

В колониальной политике военный фактор всегда имел исходное и приоритетное значение, чем во многом и обусловлено типологическое сходство большинства колонизаций в разных регионах мира и в разное историческое время. Военный потенциал Германии обеспечил колониальные приоритеты в борьбе с другими государствами Западной Европы, стал дополнительным «аргументом» в колониальной дипломатии для племенных вождей и глав африканских государств, «пацифицировал» аборигенов, создал основы колониального управления и условия для жизнедеятельности «новой ветви немецкого народа» в Африке, Океании и Китае (Цзяочжоу).

Военные чиновники Германии проявляли профессиональный интерес к опыту «старых» колониальных стран, прежде всего Англии и Франции. В германских колониях использовался также опыт казачества и военно-земледельческих поселений, известный по истории освоения окраин России. Аналогом российских окраин рассматривался колониальный хинтерланд, в котором проживали нелояльные немцам африканские «инородцы». Изучив деятельность русского казачества, известный в колониальных кругах Германии офицер и чиновник К. Франсуа предложил использовать опыт России в решении «туземной проблемы» в Африке. Организационные принципы казачьих станиц совпали со сложившейся в колониях практикой, когда немцы-иммигранты являлись военнообязанными. Офицеры возглавляли управление в «неспокойных» из-за «туземной проблемы» колониальных округах. Герман-

ское правительство передавало демобилизованным военным служащим в колониях землю под фермы бесплатно или на льготных условиях. В 1905 г. на Колониальном конгрессе в Берлине профессор Баллог заявил: «Без военных поселений русские не смогли бы завоевать Сибирь!» [20, с. 692]. Немецкие военные высоко оценивали и железнодорожное строительство в Сибири и на Дальнем Востоке, призывая берлинское правительство к расширению стратегических транспортных коммуникаций в Африке.

Канцлер О. Бисмарк, заложивший основы колониального фатерланда, исходил из торгово-экономических целей заокеанской экспансии. Управление колониями он предполагал возложить на немецкие концессионные общества, которые получают от правительства легитимацию и финансово-экономические привилегии. Но общества сочли такие расходы нерентабельными. Обострение борьбы за раздел мира и антиколониальные выступления в конце 1880-х гг. создали угрозу германскому статусу колоний, а потому учрежденное государственное управление сразу приобрело военный характер.

По нормам колониального законодательства 1886 г. колонии вливались в общегерманскую территориально-административную систему: «Немец, который трудится в колонии – пруссак или кобуржец, баварец или гамбуржец – подданные кайзера, также как и масаи и гереро, которые там живут, и англичане и французы, которые там действуют [19, с. 324]. Колониальное законодательство в дальнейшем корректировалось, пока в 1900 г. не появилась его полная, обновленная редакция. Колонии подчинялись канцлеру через ведомство иностранных дел. Еще в 1890 г. внутри ведомства появился колониальный отдел, глава которого подчинялся и канцлеру (общие вопросы управления), и статс-секретарю ведомства иностранных дел (кадровые и политические вопросы). Административный дуализм затруднял управление колониями, тем более, что для местной колониальной бюрократии границы между гражданскими и военными должностными обязанностями были размыты. Только после учреждения в 1907 г. колониального ведомства система управления приобрела заверченный вид.

Эволюционировала и система управления в колониях. Колониальные коммисариаты, учрежденные в середине 1880-х гг., в первой половине 1890-х гг. были преобразованы в ландгауптманства, а в конце XIX в. – в губернаторства (кроме Маршалловых островов). Преобразования были связаны с разграничением компетенции государства и концессионных обществ, с расширением полномочий колониальных чиновников, с созданием бюрократической иерархии, с синхронизацией деятельности центра и периферии в каждой колонии. Неизменно актуальная «туземная проблема», удаленность колоний от метрополии при издержках телеграфного сообщения требовали от колониальных чиновников оперативных решений, минуя затяжные бюрократические согласования. Участие военных контингентов в регулировании экономической и политико-правовой жизни в колониях создавало административное противоречие: полевые командиры по военным вопросам подчинялись статс-секретарю военного ведомства, а по вопросам управления – главе местного колониального управления (ведомство иностранных дел), что множило кон-

фликты между военной и гражданской властью. «Мы не имеем опыта», – признавал канцлер Л. Каприви, отмечая при этом, что обязанности колониальных чиновников «очень тяжелы» [14, с. 317].

Приказом правительства от 16 июля 1896 г. был учрежден штаб верховного командования германскими войсками в Африке, что ускорило и упростило принятие колониально-административных решений. Руководство штаба подчинялось канцлеру, а военные контингенты в колониях – комиссару, ландгауптману или губернатору (даже если он был гражданским лицом, как, например, в Камеруне) [1, с. 211, 219]. В 1898 г. губернаторы получили право отдавать приказы по армии. Но окончательное урегулирование все же не состоялось. После начала Первой мировой войны гражданский губернатор Восточной Африки принимал решения по военным вопросам. Командующий колониальным войском выполнял их, не желая дополнительно дестабилизировать и без того сложную ситуацию, но многие решения губернатора полагал некомпетентными.

Унифицированная система германского колониального управления учитывала особенности каждой колонии (Восточная Африка, Юго-Западная Африка, Того, Камерун, Новая Гвинея, архипелаг Бисмарка, Каролинские и Марианские острова, Маршалловы острова, острова Палау, Западное Самоа, Цзяочжоу). Региональные особенности фиксировало обновленное в 1888 г. колониальное законодательство. Кроме того, в 1888 г. правительство издало особый приказ о военной и гражданской службе в Того и Камеруне, в 1894 г. – в Восточной Африке. Отличия зависели от типа колониальной экономики, численности немецкого населения, состояния «туземной проблемы».

Территориально-административно колонии делились на округа и дистрикты, по образцу Пруссии. Но прерогативы военной власти в разных колониях не совпадали. В Океании военные власти обеспечивали общую стратегическую безопасность колоний. Десанты с военных кораблей, которые постоянно дислоцировались в водах островов, подавляли антиколониальные протесты [7, с. 417, 397]. Колонизация Новой Гвинеи начиналась с военного управления, но затем здесь сложилось соуправление гражданских государственных и концессионных чиновников. «Новогвинейское общество» платило жалование всем чиновникам и, с разрешения германского правительства, имело собственные денежные знаки [21, с. 390].

В Того значение военной бюрократии также постепенно снижалось, но именно она «открыла» колонию, а военные округа стали основой колониальной территориально-административной системы, обеспечивавшей стабильное функционирование системы экспорт – импорт (колониальное сырье – немецкие товары) и контакты с африканскими политическими лидерами (практика косвенного управления с опорой на этнополитические элиты аборигенов).

В Камеруне, Восточной и Юго-Западной Африке округа и дистрикты дольше сохраняли военное управление, их начальники являлись офицерами, а «гражданские» чиновники – бывшими офицерами. Противодействие аборигенов германской экспансии, конфликты и войны между племенами и государствами, восходящие еще к доколониальному периоду, изначально выявили административную несостоятельность концессионных обществ и гражданских государственных комиссариатов.

Комиссар Г. Геринг (отец министра авиации фашистской Германии) поставил под угрозу германские позиции в Юго-Западной Африке. Только действия офицера К. Франсуа, который использовал противоречия между племенами гереро и пресек антигерманскую деятельность британского эmissара Льюиса, восстановили колониальное *status quo*. Именно военная колонизация обеспечила развитие немецкого фермерства в Юго-Западной Африке. В Восточной Африке военное управление сложилось после того, как концессионное общество спровоцировало антиколониальное восстание, подавлением которого руководил офицер и зять О. Бисмарка Г. Виссманн. В рамках военного управления Г. Виссманн предложил ввести налогообложение немецких предпринимателей, одним из первых увидел важность строительства железных дорог в колониях, а водружение им флага Германии символизировало переход от концессионного к государственному управлению. «Войско Виссманна образует закон», – разъяснял ситуацию в Восточной Африке депутатам рейхстага канцлер Л. Каприви [12, с. 78; 14, с. 60].

Анклав Цзяочжоу (Китай), в отличие от других германских колоний, подчинялся военно-морскому ведомству. Администрации, состоявшей из морских офицеров, предписывалось избегать любых конфликтов с китайским правительством и китайцами: в условиях борьбы западных стран за раздел страны бухта Цзяочжоу являлась для Германии «входом» в провинцию Шаньдун, а провинция – «немецкими воротами» в Китай.

Согласно приказу германского правительства от 22 марта 1891 г., колониальные войска рассматривались как «часть политического управления». Приказ от 25 июля 1896 г. закрепил уже сложившуюся практику участия колониальных войск в гражданском управлении. В Камеруне, Восточной и Юго-Западной Африке действовали «охранные войска» (*Schutztruppe*), подчинявшиеся военному ведомству Германии, а в Того и Океании – «полицейские войска» (*Polizeitruppe*), находившиеся в подчинении у местных и гражданских органов власти. Офицеров направляли в «охранное войско» из регулярной германской армии, а руководителей для «полицейского войска» – по ордеру колониального управления в Берлине. «Охранные войска» формировались из немцев (до 1890 г. – из добровольцев-контрактников), иногда – из немцев и аборигенов. Офицеры возглавляли военные подразделения и территориально-административные структуры [1, с. 36–38]. Губернатор Т. Лейтвейн писал: «Управление вменялось охранному войску» [10, с. 156].

В «полицейские войска», в рамках косвенного управления, привлекались аборигены. На островах Самоа колониальная полиция формировалась из сыновей племенных вождей и знати. Повсеместно полицейские–немцы получали более высокое жалование по сравнению с аборигенами. В полицейской школе в Юго-Западной Африке в программу обучения входили основы юриспруденции, «туземное право», ветеринария, горное законодательство, приемы борьбы с контрабандой на алмазных приисках. Местные органы полиции возглавляли бывшие военнослужащие [13, с. 56, 63, 98]. Военные и полицейские функции были взаимосвязаны и взаимозаменяемы.

Военная бюрократия контролировала и регулировала весь процесс колониальной жизнедеятельности. Сложилась практика, когда военные чиновники совмещали несколько должностей: ландгауптман (губернатор) и командующий колониальным войском, губернатор и главный судья, губернатор и глава округа, столичный мэр и советник в губернаторстве. Совмещение происходило из общей неразвитости колониально-административной системы, дефицита профессиональных кадров, стремления сократить финансирование (критика нерентабельности колониальной политики в рейхстаге).

Судопроизводство для немецкого населения отделялось от «туземной юрисдикции». Офицеры возглавляли военно-полевые суды для аборигенов и, как правило, гражданские суды двух инстанций (окружные суды и центральные суды в колониальных столицах) для немцев. Только в Цзяочжоу суды первой и второй инстанций были совмещены. Профессор-юрист Кебнер назвал это «опытом дилетантских элементов в праве», но отметил позитивное влияние такого «опыта» на развитие немецкого предпринимательства [19, с. 333].

Немецкие военно-полевые суды завершали карательные экспедиции, по их приговорам казнили лидеров и проводили конфискации земель рядовых участников антиколониальных восстаний. Противоречия внутри аборигенного общества использовались для проведения курса «разделяй и властвуй». В 1896 г., после подавления «беспорядков» в Юго-Западной Африке вожди племен кауас и дамара были публично расстреляны, племена заплатили контрибуцию. В 1898 г. земли племен бондельсвартов и бетаниев, по аналогичной схеме, стали собственностью германского рейха. В военном подавлении племен бассари, каруба и дагомба в Того офицер Г. Триренберг видел путь к «умиротворению» и «открытию территорий» [18, с. 189, 191]. Для офицера К. Швабе военная колонизация решала «вопрос власти»: «То, что не достигается добром, должно быть решено мечом» [16, с. 239]. Необходимость в «дамокловом мече» признавали немецкие миссионеры. Профессор-юрист Цорн, выступая на Колониальном конгрессе в Берлине в 1902 г., обозначил отличие колоний от метрополии: «То, что на родине делает судья и полицейский, за границей часто способно сделать только оружие» [19, с. 321, 329].

Военное превосходство Германии над аборигенами обеспечивали артиллерия и современное огнестрельное оружие, отработанная в европейских сражениях военная тактика. Разгром аборигенами немецких отрядов Зеленски, Гравенрайта и Бюлова в Восточной Африке в начале 1890-х гг. военные специалисты объяснили недостатком «артиллерийского материала». Канцлер Л. Каприви, как профессиональный военный, считал необходимым создание специальных артиллерийских частей в колониальных войсках, наличие артиллерии на всех немецких военных станциях и в торговых факториях. В германской Океании использовалась корабельная артиллерия. С ее помощью в 1887 г. капитан Брандейс произвел политический переворот на Самоа и привел к власти прогермански настроенного вождя Тамасесе.

На официальном уровне военная мощь Германии в колониях преувеличивалась. Но российский дипломат Н. Д. Остен-Сакен, используя полученные им «весьма конфиденциальным путем сведения» (явно в германском гене-

ральном штабе. – *Е. П.*), отмечал «ветхость и недостаток артиллерийского материала», малое число военных врачей и распространение эпидемии тифа из-за отсутствия профилактики среди военнослужащих в Юго-Западной Африке [2, с. 18, 91]. Планы военных кампаний, безупречные с точки зрения классической военной тактики, часто оказывались несостоятельными в колониях, где все происходило «не по правилам». Немецким офицерам не всегда удавалось просчитать «нестандартные» действия аборигенов и их командиров, непрочными были немецкие тылы, возникали проблемы с поставками лошадей для кавалерии и фуражом. Когда в 1914 г. в колониях началась всеобщая мобилизация, многие немцы не проявили патриотизма и просто покинули колонии. Возник дефицит в оружии и боеприпасах. В Восточной Африке солдатам выдавали по три патрона. Немецкие военные инженеры не смогли организовать оборону стратегически важных центров (Килвы в Восточной Африке, Свакопмунда в Юго-Западной Африке и др.). В ряде округов Камеруна немецкие власти с опозданием узнали о начале войны. Выявились общая неподготовленность Германии к ведению военной кампании. Колониальные войска «отвлекались» на подавление военных действий в тылу между враждующими кланами аборигенов. В 1915 г. был пресечен вооруженный конфликт между султанатом Урунди и племенем уссиви, дестабилизировавший германские стратегические коммуникации [5].

Главной причиной поражения Германии на колониальных плацдармах Первой мировой войны стало сокращение численности военных контингентов. После подавления антиколониальных восстаний в Восточной и Юго-Западной Африке (1904–1907 гг.) финансирование колониальных войск в прежнем объеме было признано нецелесообразным. В Юго-Западной Африке число военнослужащих сократилось в 2 раза. Ощущение приближающейся «большой войны» сопровождалось уверенностью, что судьба колоний будет решена на полях сражений в Европе. Широкие полномочия колониальных губернаторов в сферах исполнительной и отчасти законодательной власти сохранялись (приказ канцлера от 27 сентября 1903 г.), но военные функции становились почти номинальными [18, с. 17, 28].

«Новый курс» статс-секретаря колониального ведомства Б. Дербурга ориентировал на переход к гражданскому управлению для ускорения развития колониальной экономики, на переход от конфронтации к сотрудничеству с аборигенным обществом. Считалось, что военная колонизация решила поставленные задачи, а ее продолжение тормозит экономическое «освоение» колоний. Часть колониальной бюрократии выступила против реорганизации, ссылаясь на подрывные действия Антанты и возможность новых антиколониальных восстаний. Неожиданно иным оказалось мнение губернатора Юго-Западной Африки Т. Лейтвейна. Более 10 лет в решении «туземной проблемы» «стратегия Лейтвейна», сочетавшая военно-силовую политику с опорой на вождей-коллаборационистов, считалась безупречной. Но губернатор публично признал провал своей «стратегии». Он заявил, что в колониях надлежит действовать «не кровью и железом, подобно татарским ханам», а исходя из «понимания существующих характерных особенностей туземного населения»

[10, с. 542]. Геноцид гереро, проведенный генералом Трота, он осудил, но не по гуманитарно-нравственным причинам, а из-за возникновения дефицита «туземной» рабочей силы.

Оценивая итоги преобразований в германских колониях, офицер академии генерального штаба России, автор аналитического документа о германских колониях И. И. Зашук констатировал, что колонии «почти безоружны (войск слишком ничтожное количество) и являются открытыми для неприятельского вторжения» [3, с. 35]. Проигранная немцами война в Африке и на Тихом океане подтвердила российский прогноз и стала частью общего военного поражения Германии. Только в Восточной Африке колониальные войска под командованием полковника П. фон Леттов-Форбека успешно проводили боевые операции вплоть до 1918 г. За военные подвиги П. Леттов-Форбек был награжден Железным Крестом 1-й и 2-й степени, а в Веймарской республике стал национальным героем [4].

Военная бюрократия заложила основы колониального управления и колониальной экономики. В колониях сложился новый тип немецкого колониального офицера и чиновника. Колониальная служба оказалась привлекательной для тех состоятельных юнкеров, которые не были дружны с дисциплиной, плохо переносили воинскую субординацию, диктат вышестоящих лиц и инстанций, стремились к самостоятельности. Малоимущие представители юнкерского сословия и те, кто не мог рассчитывать на карьерное продвижение в метрополии, также выбирали колониальную службу. Теоретик германского колониализма миссионер Ф. Фабри отмечал, что колонии – «самое подходящее место для молодцеватых лейтенантов» [8, с. 111].

От военного чиновника требовалось умение оперативно принимать решения и просчитывать их последствия, оптимально сочетать насильственно-силовые и дипломатические методы в решении «туземной проблемы», мириться с трудностями колониального быта. Большое значение на колониальной службе приобретала инициативность. «Мы предоставлены сами себе, – писал К. Франсуа, – и должны были бы придти в отчаяние от убийственной скуки, если бы не поставили себе задачи сами» [9, с. 30]. Начальник военной станции Цех «вырос» до губернатора Того. Л. фон Эстофф прошел путь от капитана в Юго-Западной Африке до военного теоретика и коменданта Кенигсберга. Губернатору Т. Лейтвейну была предложена высокая руководящая должность в правительстве. Но колониальная карьера удавалась не всем прибывшим из Германии офицерам. Достаточно сравнить судьбы двух прусских офицеров – братьев Курта и Гуго фон Франсуа. Первый из них достиг высоких постов и чинов, второй – остался в его «тени».

Колониальные офицеры ввели в обиход понятие «африканская свобода», которая помогала делать карьеру или становилась причиной ее краха. «Африканская свобода» несла смерть многим ее обладателям во время колониальных войн и антиколониальных восстаний. Трагической считалась судьба генерала Трота. Он победоносно завершил военную кампанию против гереро и нама, но потерял в сражении единственного сына, вскоре умерла и его жена. В прощальной речи перед возвращением в Германию генерал Трота сказал: «Я

потерял в этой стране все, что было дорого мне в жизни» [9, с. 81]. Неизвестная инфекция «завершила» карьеру генерала Вальдерзее, болезни тропиков подрывали здоровье немецких военнослужащих.

«Африканская свобода» породила также крайние формы произвола, расизма и даже садизма немца по отношению к аборигену. Политический скандал в Германии возник после садистского убийства немецким принцем Аренбергом африканца Кайна, но убийца избежал обвинительного приговора. Во время карательных рейдов колониальные войска уничтожали мирное население. В колониях сложилась двойная мораль: для «цивилизованных немцев» и «диких туземцев». То, что считалось недопустимым в немецком сообществе по юридическим или нравственным причинам, являлось нормой по отношению к аборигенам. «Африканской свободе» весьма способствовал алкогольный допинг. При подавлении восстания гереро и нама военнослужащие получали «алкогольные порции». Распространение алкоголизма среди военнослужащих побудило губернатора Камеруна ввести запрет на продажу шнапса офицерам.

В немецкой ментальности образ офицера – защитника колониального фатерланда – всемерно идеализировался и героизировался. Погибшим и отличившимся офицерам устанавливали памятники. Скульптура «покорителя Восточной Африки» изображает Г. Виссманна опирающимся на саблю возле символически поверженного каменного льва. Иным был смысл бронзового льва на гранитном постаменте в Камеруне. Он воссоздал героический образ погибшего в борьбе с «воинственными туземцами» офицера Гравенрайта, которого немцы называли «львом побережья». Скульптура немецкого офицера-кавалериста была установлена в Юго-Западной Африке. На Самоа воздвигли памятник 20 погибшим немецким военнослужащим.

Во всех колонизациях военная политика призвана была играть конструктивную роль для государства-колонизатора и становилась деструктивно-разрушительной для традиционного общества, вопреки лозунгам «цивилизаторов» о «пацификации туземцев». Ментально-историческая память народов ныне суверенных государств Африки и Океании различно рефлексировала на свое колониальное прошлое, на признание Германией и немецким народом после Второй мировой войны своей «колониальной вины» и «несправедливости колониального господства».

В Того, где военная колонизация была непродолжительной, отношения с Германией воспринимаются, скорее, как межцивилизационное сотрудничество. В 1984 г. в Того состоялись организованные правительством торжества, приуроченные к 100-летию установления отношений с Германией (т. е. к дате установления колониального статуса). В двусторонних отношениях между Камеруном и Германией политическое значение имеет совместная культурно-образовательная программа «Школы: партнер на будущее», которая как бы низвергает колониальные стандарты, когда действовало четкое разделение на школы для немецких детей и «туземные школы». Военная конфронтация колониальных времен сменилась военным сотрудничеством между Германией и Танзанией (часть бывшей Германской Восточной Африки) [15]. Гуманитарное сотрудничество объединило островные государства Самоа и Папуа-Новая Гвинея с Германией.

Сложно складываются отношения между Германией и Намибией (бывшая Юго-Западная Африка). Военная колонизация изменила демографию и расстановку этнополитических сил: 80 % гереро были уничтожены, численно и политически стали доминировать овамбо и нама. В 1999 г. лидер «Демократического конгресса» в Намибии Куаима Рируака обратился в Международный суд в Гааге и потребовал от Германии признать геноцид гереро, выплатив за него миллиардные финансовые компенсации. В 2005 г. правительство Германии принесло официальные извинения народам и правительству Намибии, выплатило 20 млн. евро и обязалось продолжить финансирование в рамках программы «Инициатива примирения». Символичной стала встреча в 2004 г. Альфонса Махареро (потомок вождя гереро) и семьи Трота (потомки немецкого генерала). Молитва «Отче наш», прозвучавшая во время встречи на языке гереро и немецком языке, как бы констатировала и невозможность изменить прошлое, и надежду на примирение в будущем [6; 11; 22].

Обретение Намибией суверенитета в 1990 г. не сопровождалось фанатичным уничтожением немецких колониальных памятников. Но, по мере осознания своей национально-государственной идентичности, в Намибии закономерно возникла потребность в собственной истории. Вслед за публикацией документов и исследований, открытием грандиозного мемориала в память о борьбе народов Намибии за независимость в XIX–XX вв. последовало устранение намибийским правительством самых заметных «следов» германского колониального «присутствия». Из центра города-столицы Виндхука в музей был перемещен памятник немецкому кавалеристу, установленный в 1912 г. [6; 11]. Болезненную реакцию немцев в Намибии (численность диаспоры составляет 20 тыс. человек) вызвал и отказ от немецкой топонимики: «полоса Каприви» стала «регионом Замбези», а Шукманнсбург – Лухононо. В 2013 г. «Нойес Дойчланд» усомнилась в целесообразности новых названий, хотя отнеслась с пониманием к воспитанию «национальной гордости» и «собственной идентичности» в Намибии [6]. Для намибийских немцев актуален вопрос: сохранится ли соседство улиц Кайзера и Курта Франсуа с улицами Независимости и Фиделя Кастро в Виндхукке?

Преемственность между колониализмом и глобализмом напоминает о себе «вторжением» истории в современность, в двусторонние государственные и международно-политические отношения.

#### Список литературы

1. Архив Внешней политики Российской империи (АВПРИ). Auswartiges Amt, Kolonial-Abteilung. Berlin, den 18. Oktober 1898 // Ф. 286. Оп. отсут. Н. 101, N 6. Д. 150. Л. 211б, 219.
2. АВПРИ. Остен-Сакен – Ламздорфу, Берлин, 12/25 января 1904 г.; Остен-Сакен – Ламздорфу, Берлин, 23 апр. – 6 мая 1904 г. // Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 16. Т. 1. Л. 18, 91.
3. *Защук И. И.* Германские колонии / И. И. Защук. – СПб., 1908. – С. 35.
4. *Леттов-Форбек П.* Мои воспоминания о Восточной Африке / П. Леттов-Форбек. – М., 2003.

5. Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Das ZentralStaatsarchiv in Moskau, «Sonderarchiv». Berichtuber die Ereignisseandenienichwahrend des Krieges in Deutsch-Ostafrika an das Reichskolonialamt. O. J. // Ф.1469–1–3 (20784). – S.32–33; Kommando der Schutztruppen (Deutsch Ost–Afrika). Berlin, № 342; Vom 1.Marz 1915 bis 31. Juli 1915 (Kamerun). Bd.2–3. ReichsKolonialAmt; Bericht des Feldarzes Dr. Koch uber die Kampfe der 6.Kompagnie in Neukamerunvom 9.August bis 18. Oktober 1914 // Ibid. – S. 5, 353, 273; Sonnenberg O. Bata, den 3.Februar 1916. Abschrift // Ф. 1469 – 1 – 1. – S.80; Berichtuber die Ereignisseandenienichwahrend des Krieges in Deutsch-Ostafrika an das Reichskolonialamt. O. J.; Abschrift. Davos-Platz, den 9.September 1918 // Ф. 1469. 1–3. S. 36; 76–77; Bericht № 149/1. Jaunde, den 4.Januar 1915; Hauptmann v. Crailsheiman den Gouverneus, Garua, den 21.Oktober 1914 u. a.
6. Afrika hat seine Helden. Von H. Konig. 15.10.2013 [Electronic resource]. – URL: [www.neues-deutschland.de/artikel/835920.afrika-hat-seine-eigene-helden.htm](http://www.neues-deutschland.de/artikel/835920.afrika-hat-seine-eigene-helden.htm) (accessed: 18.03.2014).
7. Die deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten. Gedanke und Gestaltenaus den letztenfunfzigJahren von E. G. Jacob. – Leipzig, 1938.
8. *Fabri F.* Funf Jahre Deutscher Kolonialpolitik. – Gotha, 1889.
9. *Hintrager O.* Sudwestafrika in der deutschen Zeit. – Munchen, 1956.
10. *Leutwein T.* Elf Jahre Gouverneur in Deutsch–Sudwestafrika. – Berlin, 1907.
11. Namibia heute [Electronic resource] // URL: [www.worteundbilder.info/04\\_reisen05\\_landesinfo-06.htm](http://www.worteundbilder.info/04_reisen05_landesinfo-06.htm) (accessed: 18.03.2014).
12. *Nigmann E.* Geschichte der KaiserlichenSchutztruppe fur Deutsch-Ostafrika. – Berlin, 1911.
13. *Rafalsky H.* Vom NiemandslanzumOrdnungsstaat. – Berlin, 1930.
14. Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preusischen Landtage und beibesonderenAnlassen, 1883–1893. – Berlin, 1894.
15. Schulen: Partner der Zukunft. Kamerun [Electronic resource]. – URL: [www.goethe.de/INS/cm/yao/Ihr/pas/deindex/htm](http://www.goethe.de/INS/cm/yao/Ihr/pas/deindex/htm) (accessed: 18.03.2014).
16. *Schwabe K.* ImdeutschenDiamantenlande. – Berlin, 1910.
17. Togo und Deutschland heute. Wahrnehmung und Verarbeitung des Kolonialismus [Electronic resource]. – URL: [www.kolonialismus.wordpress.com/infos-zumkolonialismus/deutschland-und-togo-heute](http://www.kolonialismus.wordpress.com/infos-zumkolonialismus/deutschland-und-togo-heute) (accessed: 18.03.2014).
18. *Trierenberg G.* Togo. – Berlin, 1914.
19. Die Verhandlungen des DeutschenKolonialkongresses 1902. – Berlin, 1903.
20. Die Verhandlungen des DeutschenKolonialkongresses 1905. – Berlin, 1906.
21. Verhandlungen des DeutschenKolonialkongresses 1910. – Berlin, 1910.
22. VersohnungnachhundertJahren Herero und Deutsche. 6. Dezember 2004 [Electronic resource]. – URL: [www.nzz.ch/aktuell//startseite/articleA07H3-1.344382](http://www.nzz.ch/aktuell//startseite/articleA07H3-1.344382) (accessed: 18.03.2014).

## **Military Bureaucrats in the Colonies of Germany under the Rule of Kaiser (1884–1914)**

E. Yu. Pukhovskaya

*East Siberian State Education Academy, Irkutsk*

**Abstract.** The article considers the formation and development of the German military and colonial bureaucracy, as well as its role in colonial economy and colonial government. Typological and personal «portraits», life and the mentality of colonial officers enable to reconstruct ways and means of solving the problem of the natives, and the development of the German settlement community in Africa and Oceania.

**Keywords:** Germany under the rule of Kaiser, colonial policy, officer, military bureaucracy, indigenous people, «the natives' problem», German settlement community.

***Пуховская Елена Юрьевна***

*доктор исторических наук, профессор,  
кафедра истории и методики  
Восточно-Сибирская государственная  
академия образования  
664011 г. Иркутск, ул. Н. Набережная, 6  
тел.: 8(3952)24-07-00  
e-mail: olti0710@mail.ru*

***Pukhovskaya Elena Yurirevna***

*Doctor of Sciences (History), Professor,  
Department of History and Methodology  
East Siberian State Education Academy  
6, N. Naberezhnaya st., Irkutsk, 664011  
tel.: 8(3952)24-07-00  
e-mail: olti0710@mail.ru*